

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

Императорского Русского Географического Общества.

Годъ XXI.

Выпускъ I.

1912.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

О змѣѣ въ русской народной медицинѣ.

(Культурно-этнографический очеркъ).

Роль змѣї въ народной медицинѣ очень велика и предсталяетъ несомнѣнныи интересъ, какъ для историка медицины, такъ и для этнографа. За продолжительное время изученія русскихъ народно-врачебныхъ средствъ у меня скопилось достаточно литературныхъ данныхъ, касающихся вопроса о значеніи змѣї въ нашей народной медицинѣ, и потому я рѣшилъ посвятить этому вопросу настоящій очеркъ.

Въ одной изъ моихъ прежнихъ работъ я упоминалъ о томъ, что въ народныхъ суевѣряхъ, послѣ черта и его служителей, особенное вниманіе удѣляется змѣямъ и прочимъ пресмыкающимся, отъ которыхъ народная медицина запасается цѣльнымъ арсеналомъ средствъ, по преимуществу суевѣрнаго характера¹⁾. Что змѣя приковываетъ къ себѣ умъ простонародья — вполнѣ понятно, ибо она искони составляла у всѣхъ народовъ предметъ легендъ, сказаний и извѣстнаго почитанія. Съ незапамятныхъ временъ люди стали задумываться надъ особенностями змѣї. Ея жизнь въ норахъ, передвиженіе безъ ногъ, отсутствіе конечностей, своеобразный, иногда высывающійся языкъ («жало»), ядовитость укусовъ, внезапное появленіе и быстрое исчезаніе, — все это внушило народу суевѣрный ужасъ, являлось чѣмъ-то загадочнымъ. Способность змѣй каждое лѣто менять свой покровъ наводила суевѣрныхъ людей на мысль объ обновленіи, о постоянной молодости, о бессмертіи... Нѣкоторые первобытные народы почитали змѣй потому, что представляли себѣ, будто души предковъ продолжаютъ жить въ этихъ пресмыкающихся. Отсюда беретъ начало обычай держать змѣй и ужей въ домахъ. Культь змѣї встрѣчается повсюду. Онъ существовалъ въ Индіи, Египтѣ, у евреевъ, въ Элладѣ и Римѣ. Слѣды почитанія змѣї сохранились почти у всѣхъ народовъ. Съ давнихъ временъ змѣѣ приписывалась двоякая роль: разрушительная и цѣ-

1) Докт. мед. В. О. Демичъ. Легенды и повѣрья въ русской народной медицинѣ. (Оттискъ изъ «Вѣсти. Обществен. Гигіиены» за 1899 г., стр. 17—20).

лебшая, основанная вѣроятно на представлениі о змѣѣ, какъ о существѣ «мудромъ». Вѣроятно это послѣднее дало поводъ къ извѣстному разсказу объ Эскулапѣ и змѣї: когда Эскулапъ долженъ быть воскресить сына Миноса, Главка и стоять задумавшись, опираясь на палку, къ нему приблизилась змѣя и пыталась вскочить на посохъ. Эскулапъ испугался, отбросилъ змѣю прочь и убилъ ее палкой; но вдругъ явилась другая змѣя съ травкой во рту, положила ее на голову убитой, и та ожила. Змѣи исчезли, но осталась цѣлительная трава, которую и воспользовался Эскулапъ для оживленія Главка¹⁾). Въ Помпѣ считался древнимъ амулетомъ браслетъ въ формѣ змѣи (*Apotropaion*); Эскулапъ и его дочь, Гигея, всегда изображались со змѣей въ рукахъ. Эскулапъ посѣщалъ больныхъ, имѣя при себѣ врачающую змѣю; змѣя почиталась оракуломъ, какъ это изображено на одной изъ древнихъ мѣдныхъ монетъ²⁾). Помимо цѣлебной силы, змѣи приписывались и другія сверхъестественныя свойства и знанія: она предугадываетъ чуму, голодъ и землетрясение. Древніе арабы вѣрили, что, употребляя въ пищу сердце или печень змѣи, можно узнать языкъ звѣрей и птицъ³⁾). О врачебныхъ качествахъ змѣи и ея отдельныхъ частей есть много указаний въ сочиненіяхъ классическихъ авторовъ (Діоскоридъ, Плій і др.). Съ другой стороны, змѣя, въ глазахъ народа, — образецъ хитрости, коварства и всякаго зла. Если Соломонъ выразился про женщину, что она можетъ быть слаже жизни и горше смерти, то и змѣя — нѣчто подобное: она приносить людямъ счастье, богатство, силу, а иногда причиняетъ болѣзни и смерть. У Пушкина встрѣчается сравненіе женщины со змѣей, которая:

«И пугаетъ, и вѣется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шинитъ, грозить и жалить».

А у иѣкоторыхъ народовъ существуетъ склонность поставить змѣю въ извѣстное отношеніе къ женщинѣ. Дикари Боливія, напримѣръ, вѣрятъ, что менструаціи у девушекъ вызываются змѣей. Поэтому старухи, съ палкой въ рукахъ, сопровождаютъ девушекъ и стараются охранить ихъ отъ пораненія змѣей. Въ Бразилии девушки, ожидающія менструаціи, не ходятъ въ лѣсъ, опасаясь нападенія змѣи. Ploss и Vagtelis полагаютъ, что иѣкоторые дикари обвиняютъ змѣй въ причиненіи у девушекъ менструацій⁴⁾). Ниже мы увидимъ, что и нашъ народъ, согласно бблейскому преданию о діаволѣ, соблазнившемъ въ образѣ змія Еву, вѣритъ, будто огненный змій приле-

1) B. Stern. Medicin, Aberglaube u. Geschlechtsleben in der Turkei. Berlin. 1903 г. Bd. I, 431 и 432.

2) См. относящіеся сюда рисунки въ прекрасномъ сочиненіи Novakka и Kronfeld, 1908 г., на стр. 380 и 381 первого тома (*Vergleichende Volksmedizin*).

3) B. Stern, I. c., стр. 433.

4) Novakka и Kronfeld, I. c., Bd. II, 621.

таетъ по ночамъ уговаривать молодыхъ вдовъ. Змѣя страшна и людямъ, и звѣрямъ. Есть повѣрье, что она можетъ своимъ взглядомъ очаровать птицу и сдѣлать ее своей беспомощной жертвой. Русскій народъ о змѣяхъ имѣть много сказокъ, легендъ и тому подобныхъ сказаний. По повѣрьямъ, основаннымъ на отдаленныхъ историческихъ преданіяхъ, змѣи понимаютъ языкъ травъ, знаютъ ихъ цѣлебную силу. Въ старинномъ лѣчебнике приводится очень распространенная легенда о томъ, какъ одна змѣйка пещерила травою попутникомъ другую, которая была раздавлена пополамъ. Эта легенда напоминаетъ приведенный уже нами разсказъ объ Эскуланѣ, воскресившемъ Главка. Фантастическія сказанія нашего народа относительно змѣй разрастаются до баснословныхъ размѣровъ. По повѣрью великороссовъ, на Сѣверѣ, мрачномъ и лѣсистомъ, находится *пещера аспида*—*змѣи крылатыя*, съ птичьимъ носомъ и двумя хоботами. Она живеть въ отдаленныхъ печорскихъ горахъ, не садится на землю, а на камень, а куда полетить, можетъ все опустошить. Знахари-заклинатели умѣютъ ее заговаривать. Въ старину думали, что выше Саратова есть *гора Змѣева*, где обиталъ шестиглавый драконъ, налетавший на Русь и причинявший опустошения. Богатырь убилъ его, а драконъ превратился въ камень¹⁾. Змѣя послужила сюжетомъ многочисленныхъ любочныхъ картинокъ, какъ это видно въ извѣстномъ сочиненіи покойнаго Ровинскаго. Важную роль играютъ змѣи въ народныхъ взглядахъ на причину, происхожденіе и лѣченіе болѣзней. Есть повѣрье, напримѣръ, будто гадюки и другие гады заползаютъ внутрь человѣка, живутъ и размножаются въ его желудкѣ, откуда знахари умѣютъ ихъ выманивать. И у нашего народа сохранились слѣды почитанія змѣй, имѣется сказаніе о змѣѣ-царицѣ съ золотою короною на головѣ, приносящей человѣку счастье и богатство. Многія растенія, по мнѣнію нашихъ крестьянъ, стоять въ той или другой зависимости отъ змѣй: одни изъ нихъ исцѣляютъ укусы змѣй, другія гонять ихъ прочь. Къ послѣднимъ повсемѣстно относятъ ясень, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Наконецъ, змѣя, что свидѣтельству лѣчебниковъ и по мнѣнію знахарей, цѣлебное средство отъ многихъ болѣзней — обстоятельство, достойное вниманія лицъ, изучающихъ народную медицину.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ придерживаться такого плана: 1) сначала мы разсмотримъ взгляды народа на змѣю, суевѣрные представленія, повѣрья и легенды о ней; 2) затѣмъ мы изложимъ народно-врачебные средства отъ укушенія змѣи; 3) опишемъ понятія народа о змѣиномъ ядѣ, о роли змѣи въ происхожденіи болѣзней и коснемся цѣлебнаго ея значенія. Въ заключеніе, сдѣляемъ выводы на основаніи всего вышеприведеннаго.

1) Н. Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусского народа. СПб. 1887 г., стр. 266 и 267.

Народные взгляды на змѣю. Суевѣрные представлѣнія, стоящія съ нею въ связи. Легенды о змѣяхъ.

«Лютая», «подколодная», «холодная» змѣя «извивается», «жалитъ» человѣка и наводить на его душу леденящій страхъ. Въ Новгородской губ. крестьяне и угря считаютъ хитрой, злобной водяной змѣей, которая, за какіе-то грѣхи, лишена способности «жалить» людей. Поэтому избѣгаютъ употреблять угря въ пищу, а если, въ случаѣ крайности, и ѳдѣять его, то не касаясь головы и хвоста. Книга Бытія (II,1) называетъ змѣй хитрѣйшими изъ звѣрей. Христосъ училъ быть «мудрымъ, какъ змѣй». Эти бблейскіе завѣты народъ хорошо помнить и вѣрить, что змѣи злы, коварны, хитры, но мудры и способны на разныя чудеса. Въ бѣлорусскомъ заговорѣ «цар Писип» (змѣй) «по усяму свѣту бываець, усякія травы и цвѣты и зелля-коренія знаець», т.-е. обладаетъ обширными знаніями. По малорусской сказкѣ, отвѣдавшій змѣинаго мяса всевѣдущъ. Не имѣя точныхъ зоологическихъ и біологическихъ свѣдѣній, суевѣрный человѣкъ, какъ дитя, съ ужасомъ и недоумѣніемъ задумывается надъ пресмыкающимися и, находясь подъ постояннымъ вліяніемъ вѣры въ злыхъ духовъ, приписываетъ змѣю сверхъестественные свойства, а порой допускаетъ возможность вселенія въ нее дьявола. Змѣя представляется народу своеобразнымъ, непродолжительнымъ зломъ, переходящимъ иногда въ добро. Загадка о змѣѣ и о ружѣ гласитъ: «ползо зло, зло схватилось, у зла жизнь прекратилась». Простолюдины допускаютъ въ змѣѣ разныя демоническія и чародѣйскія особенности: она знаетъ «живую воду» и цѣлебныя травы, обладаетъ несметными богатствами и богатырской силой. Такія повѣрья разрослись до сказаний объ *огненномъ, летающемъ змѣѣ*, который, вѣроятно, явился результатомъ наблюденія надъ падающими звѣздами. Аѳанасьевъ¹⁾, отмѣчая большую склонность народа къ аналогіи, полагаетъ, что сходство извивающейся молиіи съ движеніями змѣи могло дать толчокъ къ сближенію понятій о ней и о такихъ явленіяхъ на небѣ, какъ молния и падающая звѣзда. Сверкающая фигура метеора, похожая на змѣя, сыплющаго вокругъ себя искры, послужила народной фантазіи основаніемъ для создания поэтическаго образа *огненнаго змѣя*. Онъ — олицетвореніе дьявола, который прплетаетъ съ деньгами къ колдуни или навѣщаетъ вдову. Въ деревняхъ говорятъ: «увидишь такого змѣя, проплнєши: «аминь, аминь, разсыпься!» — и онъ исчезнетъ». Крестьяне Саратовской губ. вѣрятъ, что *огненный змѣй* летаетъ по свѣту, разсыпается въ полночь на крыши дома, гдѣ покойникъ, является плачущимъ — женѣ или мужу; онъ превра-

1) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. М. 1865—1869. Т. II, 509 и 510.

щается въ оплакиваемое лицо, поздоровается, но говорить шепотомъ и не велитъ никому о себѣ сказывать. Онъ приносить лакомства и деньги, но поутру первыя превращаются въ камни, а послѣднія — въ черепки. Въ Таврической губ. передаютъ за достовѣрное: «змій робить з простої гадини, тілько їй треба де-нибудь пробути, щоб вона сім год не чула ні дзвона, ні чоловічого голосу. Тоді у неї почнуть рости крила и будуть рости ще сім год... тоді вже й летить людям на вред» (Бердянскій у.). Въ Новомосковськомъ у. утверждаютъ: «змій як літати до жінки, так він пін ій суше. Отто подивись: як хвора, та худа, як світяться проти сонця вуха, то до неї змій літає». Въ болгарскихъ колоніяхъ въ Херсонской и Таврической губ. существуетъ повѣрье, будто нѣкоторые девушки влюбляются въ змій, разговариваютъ съ ними и угощаютъ ихъ. По представлению крестьянъ Черниговской губ., метеоры — это *огненныє змії*, тѣ же нечистые духи, летающіе къ женщинамъ. Рассказы о метеорахъ постепенно переходятъ въ сказанія о чертяхъ. Въ Харьковской губ. говорятъ: «змій... летить, а іскри так і сплються... кажуть, гріх (на його) дивиться». «Він до жінок літає, та молоко з грудей тягне. Як прилетить, вдариться об землю, та й стане парубком. І та молодиця, до якої він упадеться, живта буде, як вісік, бо він, як не стане молока, так кров тягне». Сказанія объ *огненному змію* многочисленны, разнообразны и представляютъ несомнѣнныи этнографический интересъ. В. Харузина¹⁾ подчеркиваетъ, что, изучая народныя представлениа о домашнихъ духахъ, встрѣчаемъ плодъ народной фантазіи — *«змія деньгоносца»*, функции которого иногда совпадаютъ съ функциями домового: онъ заботится о благосостояніи семьи, но могущественнѣе домового. Этотъ змій пристаетъ къ любому дому, приносить съ собою богатство, обиліе зерна, хороший убой коровъ. По виду *«змій-деньгоносець»* приближается къ домашнимъ ужамъ и змѣямъ, охраняющимъ жилище. Съ другой стороны, онъ стонть въ связи съ огнемъ, пбо онъ — «весь золотой», горить «какъ жаръ», оставляетъ по себѣ «огненный слѣдъ», проникаетъ въ хату черезъ трубу, поселяется иногда за печкой. Между этимъ зміемъ и огненнымъ змѣемъ, соблазняющимъ женщинъ, имѣется нѣкоторая разница. Изъ другихъ взглядовъ на змѣю, глубоко вкоренившихся въ сознаніи народа, достойно вниманія представлениe, будто змѣя кусаетъ не зубами, а *«жалитъ»* особеннымъ ей свойственнымъ *«жаломъ»*, за которое, вѣроятно, принимается языкъ змѣй. Наши крестьяне увѣрены, что змѣя, при укусеніи человѣка, обламываетъ *«жало»*, наподобіе пчелы, и оставляетъ кусочекъ его въ ранѣ. Въ связи съ такимъ представлениемъ, въ лѣчебникахъ и травничкахъ, какъ увидимъ дальше, приводятся растенія, извлекающія изъ ранъ не только *«желѣзо»*, *«стрѣлу»*, но и змѣиное *«жало»*. Помимо того, что суевѣрные люди боятся ядовитыхъ укусовъ змѣи, они еще допускаютъ возможность переселенія змѣй въ друг-

1) Къ вопросу о почитаніи огня (*Этнogr. Обозр.* 1906 г., № 3 и 4, стр. 104).

гихъ пресмыкающихся во дворы, жилища и даже внутрь человѣка. Естественно, что такой преувеличенный страхъ передъ змѣями побуждаетъ суевѣрныхъ людей изыскивать растительныя и другія средства, прогоняющія этихъ вредныхъ гадовъ. Въ имѣющемся у меня сборникѣ-лѣчебникѣ «о истребленіи вспахъ вредоносныхъ гадовъ изъ дома» говорится: «поутру и ввечеру, три дня сряду, жги удоловыя перья и оними во всѣхъ покоахъ кури, то отъ оного духу змѣи, скорпіи, пауки и всякая другая гадина пропадетъ». Или: «змѣю, когда увидишъ, тогда въ защиту себѣ скажи: «такъ горы Мопсей воздвигнетъ», то змѣй отъ тебя прочь уйдетъ». Повсемѣстно распространено убѣжденіе, что ясень (*Fraxinus excelsior* L.), называемый у нѣмцевъ «мировымъ деревомъ» (Weitbaum), гонить и устрашаетъ змѣй. Самъ ясень, его кора, листъ, даже зола смиряютъ всякаго гада, лишаютъ его возможности кусаться и повергаютъ въ оцепененіе. Въ Малороссіи вѣрятъ, что знахари умѣютъ скликать гадюкъ. Точно неизвѣстно, чѣмъ они этого достигаютъ. Упоминается лишь воздействиѣ ясеня на змѣй. Въ «Иллюстраціи», журналѣ, издававшемся въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, былъ помѣщенъ рисунокъ Т. Г. Шевченко, представляющій знахаря, окруженнаго вызванными имъ змѣями. Въ замѣткѣ къ рисунку сказано, что знахари, при своихъ фокусахъ, натираютъ руки сокомъ ясеня. Въ началѣ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія въ с. Григоровкѣ, недалеко отъ Харькова, жилъ священникъ, который умѣлъ заговаривать змѣй и вызывать ихъ, наставляя какую-то пѣснку. Повѣрье обѣ ясенѣ, устрашающемъ змѣй, встрѣчается и у нѣмцевъ. Нѣмецкіе крестьяне убѣждены, что домъ, построенный въ тѣни ясеня, застрахованъ отъ набѣга змѣй. Достаточно змѣю-ехидну очертить кругомъ, проведеннымъ ясеневою тросточкою, и змѣя изъ него не можетъ выползти. Слѣдуетъ замѣтить, что обоязанъ змѣй передъ ясенемъ говоритъ еще Пліній¹⁾. Еще прогоняетъ змѣй паноротникъ, а рута (*Ruta graveolens* L.) ихъ пстребляетъ. О послѣднемъ растеніи въ Курской губ. рассказываютъ: если рано утромъ набросать на открытыхъ для солнца мѣстахъ свѣжихъ вѣточекъ руты, то все змѣи выползутъ, жадно пожираютъ ее и вскорѣ окольваютъ. Въ Пермской губ. крестьяне приписываютъ марьяному корню (*Paeonia officinalis* L.) свойство гнать змѣй, и потому носятъ его на крестѣ. Тамъ, где есть это растеніе, змѣи, будто бы, не водятся. *Veronica latifolia* L. называется пермяками «змѣинымъ скусомъ», вѣроятно, вслѣдствіе наблюденія, что кисть вероники выходитъ сбоку и растетъ выше стебля, который представляется какъ бы откусеннымъ. Въ Воронежской губ. этотъ видъ вероники называется «змѣиной травой», и существуетъ легенда, будто Богъ ее создалъ для уничтоженія ядовитыхъ змѣй, но одна

1) «Adeo inimica arbor serpentibus, ut ne matutinas quidem occidentesve umbras quamlibet spatisosas, ejus serpens attingat, ac si frontibus ejus claudatur, in ignem potius, quam in fraxinum fugiat» (Lib. XVI, 13).

изъ нихъ откусила вѣточку растенія съ цветкомъ; въ ту же минуту у вероники выросло, вмѣсто одной, четыре верхушки. Пристыженная змѣя ушла въ трубочку, гдѣ и пресмыкается, скрываясь отъ всѣхъ. Въ Томской губ. про другой видъ вероники (*V. officinalis L.*) говорятъ, что у нея змѣя откусила верхушку, поэтому крестьяне кладутъ цветокъ вероники въ башмаки, когда путь по ягоды, чтобы змѣи не укусили. Представляя себѣ змѣя злымъ начальникомъ, народъ лѣчится отъ ихъ укусовъ заговорами и другими суевѣрными средствами, о которыхъ скажемъ въ слѣдующей главѣ. Что касается повѣрій о змѣѣ религіознаго происхожденія, то церковная живопись показываетъ, что Св. Модестъ «скоты воскреси и змѣя умертви». Въ заговорахъ отъ укушенія змѣй упоминаются Крестное древо, Св. Камень, Іорданъ-рѣка. Главная же роль въ нихъ отводится Пресв. Богородицѣ, которая, въ глазахъ народа, является спасительницею отъ змѣй. Имя Маріи переносится и на главную змѣю, могущую унять своихъ слугъ младшихъ змѣй. Далѣе, христіанская символика связывается со змѣемъ Георгія Побѣдоносца и Св. Павла, которые помогаютъ отъ него.

Наряду съ суевѣрнымъ страхомъ передъ змѣями, нашъ народъ, подобно тому какъ это было въ древности, приписываетъ имъ силу целительную, охраняющую и удлиняющую жизнь человѣка. По народной сказкѣ, змѣя знаетъ «живую воду», съ которой нераздѣльны понятія здоровья, красоты, заживленія ранъ и воскрешенія мертвыхъ. Въ заклятіи отъ родимца обращаются къ змѣѣ «мѣдной мѣданкѣ», заложенной въ мѣдный столбъ. Заговоръ на защиту ратнаго человѣка отъ ранъ кончается: «въ моихъ узлахъ защиты змѣиной головки» (Аѳанасьевъ, I. с., II, 563). Надо замѣтить, что въ старину носили амулеты («наузы») съ засушенными змѣиными головками въ предохраненіе отъ болѣзней и несчастій¹⁾. Крестьяне и теперь носятъ на шеѣ ладонки со змѣиною шкуркою отъ лихорадки. Парни ст. Слѣпцовской (Горской обл.), чтобы приворожить любимую девушку, носятъ высушенныя части лягушекъ, змѣй и другихъ животныхъ. Иногда въ ладонки зашиваются кусочки «змѣинаго корня». Простолюдины вѣрять, что такие амулеты помогаютъ отъ чаръ и болѣзней, стяжаютъ носителю ихъ любовь. Сохранились на Руси также остатки древняго почитанія змѣй, и существуетъ повѣрье о змѣиной царицѣ съ золотой короной на головѣ. Культь змѣи довольно ясно выраженъ у белоруссовъ, которые, хотя и вѣрять, что убившему змѣю прощается 40 грѣховъ, все же имѣютъ и повѣрья противоположнаго характера. Въ началѣ осени, думаютъ белоруссы, змѣи «у

1) Недавно возлѣ Киева, въ Бѣлгородѣ, при раскопкахъ, нашли такъ называемый «змѣевикъ». «Змѣевикъ» имѣлъ значеніе талисмановъ, оберегающихъ отъ злого духа, болѣзней и напастей. Найденный «змѣевикъ» — родъ медальона, чудной греческой работы, изображающей съ лицевой стороны Богородицу съ Младенцемъ въ правой руцѣ, а съ другой стороны — голову въ племѣ, окруженну головами змѣй. («Киевская Мысль» 1909 г., 26 авг.).

вырой идуць», и засыпаютъ до весны¹⁾. «У вырой» онъ идуть стадомъ, подъ предводительствомъ цара, у которого на головѣ золотая корона. Увидѣвъ это шествіе, надо разостлать бѣлый платокъ; царь змѣй въ благодарность за уваженіе къ нему, оставляетъ на платкѣ корону, приносящую богатство и всевѣдѣніе. Змѣи, говорятъ бѣлоруссы, не всегда злы. Если онъ жалять, то это ненормально, и змѣя, укусившая человѣка, «въ вырой» не принимается, а, лишившись «жала», зимою погибаетъ. По другому повѣрю, змѣя обогащаетъ человѣка, ее воспитавшаго. Для этого надо найти «сносокъ» — яйцо, которое сносить пѣтухъ разъ въ 7 лѣтъ. Доставъ такое фантастическое яйцо, надо носить его подъ мышкою 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ изъ него вылупиться змѣенышъ, который вырастетъ въ змѣю и станетъ носить человѣку все желанное. По повѣрю крестьянъ Куяновскаго у., гадюки собираются на «Здвиженія» (14 сент.) въ гнѣзда на зимовку. Если одна изъ нихъ тогда укуситъ человѣка, то остальные не принимаютъ ее къ себѣ, и она ищетъ случая быть убитой. И въ другихъ мѣстахъ Малороссіи вѣрять, что «гадюки підъ чесного Хреста двигаются»; одна изъ нихъ «съ золотыми рогами». «Хто сі гадючі золоти роги мае, у того буде багато грошей и буде вінъ щасливій». По мнѣнію малороссовъ, змѣй, встрѣчающихся послѣ 14 сентября, нужно убивать. Рассказываютъ, что осенью дѣвушка шла и упала въ глубокую яму, где было много змѣй; онъ, однако, не тронули дѣвушки, которая всю зиму пролежала въ ямѣ, гладя камни. Весною вытащили дѣвушку, и она повѣдала: Богъ позволилъ жить гадамъ только до Воздвиженія, а потомъ они должны прятаться въ землю. Въ названный срокъ змѣи собираются въ норахъ, обсуждаютъ свои дѣла; гадюкъ, которая лѣтомъ кусались, загрызаютъ до смерти. Если же одна изъ нихъ уйдетъ, то ей не найти зимовья, и она погибаетъ отъ выюги. Такія змѣи сами ищутъ погибели, и человѣкъ, убившій послѣ 14-го сентября змѣю, оказываетъ ей услугу. Въ ст. Ардонской (Герской обл.) существуетъ повѣрье, что на Воздвиженіе онаено выходить въ поле, такъ какъ тогда происходитъ «змѣиное свиженіе»: змѣи сползаютъ вмѣстѣ и совѣщаются о житьѣ-бытьѣ зимою. Въ этотъ день бываютъ змѣиные свадьбы: самцы выбираютъ самокъ, спариваются и производятъ себѣ подобныхъ. Кстати упомянемъ, что бѣлоруссы думаютъ, будто у змѣй рождается множество детенышъ, но въ живыхъ остается не болѣе десяти — остальныхъ мать погдаетъ. По мнѣнію великороссовъ, змѣи собираются на Воздвиженіе въ ямы, и тамъ появляется бѣлый камень, который змѣи ложутъ. Это — «бѣл-горюч-камень-Алатырь», упоминаемый въ заговорахъ. Слѣды почитанія змѣй замѣчаются также у эстовъ и латышей, которые берегутъ и приручаютъ змѣй (не ужай-ли?). Русскіе

1) Слово «вырой»=укр. *вирій* означаетъ въ украинскихъ народныхъ понятіяхъ какую-то таинственную далекую страну или мѣстность, где тепло и куда улетаютъ на зиму птицы, уходить гады и т. п.

крестьяне считают ужей безвредными и даже въятъ, будто они охраняютъ отъ ядовитыхъ змей човѣка, отдыхающаго въ полѣ отъ работы. Иногда ужи живутъ въ деревенскихъ избахъ, а дѣтишки разгоняютъ ихъ. Въ с. Рагули (Ставропольской губ.) не позволяютъ убить ужа на дворѣ, иначе разорится хозяйство. Въ Лубенскомъ у. ящерица считается другомъ човѣка, предупреждающимъ его о приближеніи змѣи. Въ Черниговскомъ у. рассказываютъ: «крестьянинъ убилъ большую гадюку и оттого заболѣлъ», а въ Нѣжинскомъ у. добавляютъ: «убитой гадюки не кидай на видноши—сонце плакатиме». Наоборотъ, въ Каневскомъ у. говорятъ: «гадюку вбий, сонечко засмѣется, выясниться». Въ Подольской губ. поселяне различаютъ два рода ужей: ужи сѣрые и гадюки-падалиці-горныи. Ужей здѣсь не считаютъ ядовитыми и злыми, гадюкъ же боятся. Говорятъ, будто гадюка, укусившая човѣка, спѣшить къ водѣ; если она приползть къ водѣ раньше укушенаго, то для послѣдняго нѣтъ спасенія. Поэтому, укушеному советуютъ бѣжать къ рѣкѣ или колодцу и погрузиться въ воду. О размноженіи гадюкъ, разныхъ гадовъ и червей въ Подольшинѣ рассказываютъ: «когда Богъ уѣдилъ, что эти твари чинять людямъ много зла, онъ собралъ всѣхъ пресмыкающихся въ одинъ мѣшокъ и поручилъ какому-то човѣку бросить его въ море, предостерегая — не заглядывать внутрь мѣшка. Но човѣкъ заглянулъ, и гады разбѣжалась по цѣлому свѣту. За это Богъ непослушнаго превратилъ въ аиста (боцюкъ, чорногузъ, иванъко), велѣлъ ходить по миру и собирать распущенныи имъ гадовъ». Поэтому, крестьяне берегутъ гнѣздо аиста. По мнѣнію крестьянъ Витебской губ., видѣть во снѣ змѣй, ужей и прочихъ гадовъ хорошо: въ домѣ можно ожидать благополучія; о сновидцѣ идетъ благопріятный говоръ. Такимъ образомъ, на Руси сохранилось нѣкоторое почитаніе змѣй. Крестьяне не только не боятся ужа, но даже считаютъ счастливымъ предзнаменованіемъ, если онъ поселится въ хатѣ. Ужъ приносить съ собою богатство, и, вѣроятно, въ его образѣ представляется домовой. Въ Литвѣ, по свидѣтельству Герберштейна, почитали змѣй-швейцаровъ, держали ихъ въ домѣ, приносили имъ въ даръ молоко, сыръ и яйца. Кромѣръ говоритъ, что въ Польшѣ дозволяли ужамъ и змѣямъ селиться въ домаахъ подъ печкою и чтили ихъ, какъ пепатовъ. Проф. Сумцовъ¹⁾ видѣть во всемъ этомъ «культурный переживанія» и напоминаетъ, что у древнихъ Грековъ также содержали въ афинскомъ акрополѣ змѣй, почитая въ нихъ родовыхъ пепатовъ. Въ заключеніе этой главы, я приведу нѣсколько легендъ о змѣяхъ, отличающихся поэтичностью и заключающихъ въ себѣ известные взгляды народа на змѣю. О происхожденіи ея и лѣченіи ея укусовъ у Королевъ существуетъ такая легенда: Ап. Петръ упрашивалъ Христа оживить чѣскую страшную вещь и вставитъ ей глаза изъ линялого сѣмени. Спаситель отказывалъ, но, наконецъ, вдунувъ живой духъ въ странный предметъ и придѣлавъ ему

1) Сумцовъ, Культурная переживанія, стр. 98.

глаза изъ льняного стмени. Появилась змѣя, которая, злобно шипя, шмынула въ кусты и тамъ зарылась въ землю. Петръ въ недоумѣніи спросилъ: «что же теперь дѣлать?» Спаситель сказалъ: «иѣши въ кусты и копай тамъ голыми руками землю, пока не отынешь змѣи». Апостоль такъ и сдѣлалъ, но, когда онъ докопался до змѣи, она сильно укусила его руку. Петръ плакалъ и жаловался на боль. «Видишъ», — замѣтилъ Спаситель, — ты просилъ оживить гада, а онъ укусилъ тебя и другіе пострадаютъ отъ него». Между тѣмъ, опухоль руки росла. Петръ близился къ смерти и молилъ о помощи. Христосъ душуль на опухоль, и она исчезла. Убѣдившись, что ядъ змѣи очень спленъ, Спаситель уменьшилъ его силу, давъ одну часть яда осѣ, другую — пчелѣ, третью — комару, четвертую — мухѣ, а остальную, самую большую, оставилъ змѣю. Потомъ Спаситель приказалъ Петру бѣжать въ церковь, откуда выходить народъ, стать тамъ на высокое мѣсто и, какъ можно громче, объявить всѣмъ, что на земль появилось страшное животное, которое сильно кусается. Петръ долженъ былъ повторить народу слова, сказанныя Спасителемъ, когда Онъ дуль на укушенную руку, но апостоль, увидѣвъ толпу, смущился и только иѣкоторымъ прошепталъ на ухо о случившемся. Поэтому, не всякий знаетъ секретъ лѣченія отъ змѣиныхъ укусовъ. Въ легенды о ласточкѣ, существующей въ Прибалтійскомъ краѣ, змѣя спасаетъ людей отъ погибели. Когда былъ всемирный потопъ, и ковчегъ Ноя носился по водамъ, дьяволъ, желая истребить родъ человѣческій, превратился въ мышь и прогрызъ въ углу ковчега дыру. Хлынула вода... Къ счастью, змѣя во время замѣтила бѣду и заткнула отверстіе хвостомъ. Такъ удерживала она воду до конца потопа. Ковчегъ остановился на горѣ Араатѣ; Ної съ семьей спасся отъ потопленія, а Господь позвалъ змѣю и сказалъ: «За то, что ты спасла людей, прося въ пищу какое угодно животное». Хитрая змѣя выпросила время для отвѣта и послала на разведки комара, который попробовалъ кровь всѣхъ животныхъ и нашелъ, что самая вкусная у человѣка. На обратномъ пути комаръ встрѣтилъ ласточку, которая, узнавъ, въ чёмъ дѣло, вырвала у него языкъ. Комаръ, возвратившись, ничего не могъ объяснить, но прилетѣла ласточка и сказала: «Господи, самая вкусная кровь у лягушки», и змѣю было назначено питаться лягушками. Крестьяне слѣдо вѣруя, что отъ каждой болѣзни въ лѣсу растетъ особая трава, убѣждены, что иѣкоторымъ счастливцамъ-знахарямъ известны целебные травы. Но это чародѣйство не обходится безъ змѣи. Интересная легенда на сей счетъ записана въ Яренскѣ (Вологодской губ.). Иѣкій баринъ ходилъ въ лѣсъ, собирая тамъ змѣй, что съ короной на головѣ, а дома приказывалъ слугѣ готовить себѣ изъ ихъ пищу. Змѣи имѣли то свойство, что поймавши пухъ, человѣкъ начиналъ понимать разговоръ огия съ огнемъ, травы съ травой. Баринъ подслушивалъ въ лѣсу разговоръ травъ и запоминавъ ихъ целебные свойства. Разъ, сдѣломъ за бариномъ, пошелъ въ лѣсъ слуга и услышалъ разговоръ травъ, что заставило глупаго парня разсмѣяться. Баринъ спросилъ его: «чего

смѣешься?» — «Ничего, такъ», — отвѣтилъ слуга. Барыгъ велѣлъ ему оборотиться, послѣ чего тотъ пересталъ понимать языкъ травъ. Отъ этого барина и пошли травники, цвѣтники, стали потомъ знать пользу растеній. Преданіе о русскомъ барыгѣ напоминаетъ легенду грузинскаго лѣчебника — *Карабадима о Джалинусѣ* (Галенѣ), имя котораго позаимствовано изъ классической медицины и сдѣлалось у восточныхъ народовъ легендарнымъ. Онъ зналъ языкъ травъ, но держалъ это въ тайнѣ. Многіе пытались узнать ее, поступали къ *Джалинусу* въ рабы, но напрасно. Достигла цѣли старуха. Она привела къ мудрецу своего единственного сына въ слуги, завѣривъ, что онъ — иѣмой. А тотъ былъ и умень, и краснорѣчивъ. Когда ему была поручена стряпня, онъ подмѣтилъ, что любимое блюдо господина — *шашлыкъ изъ змѣй*. Разъ, жаря змѣю на вертель, слуга попробовалъ хлѣба съ ея жиромъ и почувствовалъ перемѣну: все его существо переродилось; подъ мышками образовались пузырьки, въ которыхъ собралась тѣлесная нечистота. Слугѣ послышались невѣдомые звуки: онъ *сталъ понимать языкъ травъ*. Хитрость его скоро раскрылась; Джалинусъ поклялся отомстить и убилъ слугу. Подобная легенда есть и въ Острожскомъ у. — «*Панъ, що все знатъ, та кучеръ*». Панъ любилъ охотиться и разъ привезъ изъ лѣсу *бѣлу гадюку*. Кучеру было приказано долго варить ее и жарить, а тотъ случайно попробовалъ кусочекъ гадюки и сталъ все знать. Были они оба въ лѣсу; тамъ имъ клацались травы и говорили, отъ какой онѣ болѣзни помогаютъ. Кучеръ разсмѣялся; панъ догадался, въ чёмъ дѣло, хотѣлъ убить кучера, но его спасли лошади. Приведенные легенды, въ одной изъ которыхъ упоминается Галенъ, несомнѣнно, древнаго происхожденія. Плиний разсказываетъ про Демокрита, что онъ изъ змѣй приготовлялъ чудесные средства, благодаря которымъ можно было понимать языки всѣхъ животныхъ. По сказаніямъ германскихъ и славянскихъ народностей, этотъ даръ приобрѣтается употребленіемъ въ пищу змѣй. Повѣрье о способности змѣй понимать говоръ травъ есть и въ Малороссіи. О происхожденіи названія чернобыля «забудьками» Роговичъ записалъ въ Стародубскомъ у. такую легенду: дѣвочка упала въ яму со змѣями и, пробывъ тамъ всю зиму, получила отъ царицы змѣй даръ понимать разговоръ всѣхъ травъ, но при условіи никогда не говорить слова «чернобыль». Дѣвочка же, по забывчивости, произнесла это слово и тотчасъ все забыла, что слышала изъ говора травъ и деревьевъ. Левченко добавляетъ: по другой легендѣ, чумакъ потчуя своего работника, случайно научившагося у хозяина понимать языки животныхъ и растеній, стебелькомъ *чернобыля*, послѣ чего работникъ все забываетъ. Закончимъ эстонской легендой, у которой страннѣмъ образомъ упоминаются имена первыхъ русскихъ князей. Въ старину жилъ крестьянинъ съ тремя сыновьями. Нашелъ онъ въ лѣсу змѣю *щотта синики* (?) и принесъ дѣтямъ. Прирученная змѣя играла съ ними. Когда сыновья выросли, онъ сказала: «ты, старший, беспокойный, зовись *Kahurikkuja* — наруши-

тель мира; ты, средний, более другихъ мнѣ понравился и будешь *tiniuss-сияя змѣя*, а третій получить имя *Tripshar*, ибо онъ вѣрный». Затѣмъ змѣя ушла въ лѣсъ. Братья отправились на войну и одержали побѣду. За храбрость они были избраны старшинами и ушли далеко царями.

II.

Народно-врачебные средства отъ укусовъ змѣи.

Разсмотримъ теперь всевозможные способы, которыми знахари и самъ народъ лѣчать змѣиные укусы. Чаще всего такія пособія черпаются изъ растительного царства, ибо травы составляютъ наиболѣе излюбленныя народомъ лѣчебные средства. И, дѣйствительно, въ прекрасномъ «Ботаническомъ Словарѣ» Н. И. Анненкова (изд. 1878 г.) мы находимъ множество растеній, которыхъ, по употребленію путь отъ змѣиныхъ укусовъ, носятъ названія: змѣева трава, змѣевикъ, змѣиный курень, змѣевецъ, змѣевикъ, змѣевые головки, змѣедушникъ, змѣиный скусъ, змѣй-трава, ужачка, ужачье зелье, ужикъ и т. п. Часто также знахари лѣчать змѣиные укусы заговорами и другими суевѣрными способами, причемъ даютъ себя знать склонность къ аналогіи, вѣра въ симпатію и въ чародѣйство. Еще Richter отмѣчаетъ любовь крестьянъ лѣчиться такими средствами на случай, «когда змѣй укуситъ». Рѣже примѣняются средства другихъ царствъ природы, и лишь иногда употребляются механическіе пріемы (перетяжка), кровопусканіе и высасываніе яда изъ раны. Въ лѣчебникахъ-травникахъ приводится интересующія насъ пособія въ не особенно большомъ количествѣ. Напримеръ: «переносъ травы... цвѣтъ со стрѣлками... та трава добра отъ змѣй, и ужъ спѣть отъ нея, и всякая нечестъ противиться ей не можетъ». Или: «есть трава сорочій щавель... та трава добра, кото-раго человѣка бѣшеная собака укусить, или змѣя или ужъ ожалить». «Корешъ палочкиника добръ къ посѣку или ужъ ужалить или змѣя». «Аще кого укусить собака бѣшеная или змѣй морской (?), сельдь приложи — вытащить ядъ». Повидимому, въ лѣчебникахъ сближается понятіе объ ядѣ змѣи и бѣшеной собаки. Въ лѣчебнике Ст. Гажтовта рекомендуются «щавелъ кислой» (*Rumex acetosa*) и «змѣевикъ» (*Aristolochia Clematitis L.*) «отъ укушенія медведки, ужа и ящерка». Въ нашемъ Сборникѣ-лѣчебнике (полууставъ, переписанъ въ 1806 г.) говорится: «настериаково сѣмя столкши, кто у вишъ пить, кого змѣй ужалить, минется»; «гадина есть ли кого укусить, или стрѣлою застрѣлатъ: то стерши коношель или изжевавши, положи на рану, то ядъ змѣи и стрѣлу вытащить». Въ малорусскихъ лѣчебникахъ, которыми, по выражению проф. Потебни, пользовались старосвѣтскіе помѣщики, приводятся болѣе резонные пособія, вирочемъ, тоже съ примѣсью суевѣрія: «Когда укуситъ що ядовитое: вкругъ той раны рожокъ поставитъ, чтобы далѣе опухъ нешокъ, и

перво ту рану облить власною уриною уязвленнаго». Да же читаемъ: «ужова шкура, когда гадюка окуситъ, размочить и истолочь ее, приложи — оздоровѣеть». Путешественники по Россіи конца XVIII столѣтія также упоминаютъ о народно-врачебныхъ средствахъ отъ укусовъ змѣи. Такъ, Лепехинъ говоритъ, что въ г. Арзамасѣ растеніе *Stachis arvensis L.* — «змѣевая трава» — «дѣлаеть отъ угрозенія змѣи безопасныемъ». Про Мордову же г. Курмыша пишетъ, что они лѣчатся «отъ угрозенія всякихъ змѣй» по слѣдующему наставлению: «надо наискорѣйше перевязать членъ выше раны краснымъ шерстянымъ поясомъ патого, мазать членъ кровью или саломъ уязвившей змѣи и пить отваръ растенія *Gentiana campestris*. Если же змѣю не удается убить, то разрываютъ на двое живого голубя и прикладываютъ къ ранѣ, который, будто бы, вытягиваетъ жало». Фалькъ (Falk) отмѣчаетъ, что Киргизы, при укусахъ змѣи, кладутъ свѣже-выжатые цвѣты растеній, иродѣльвая, при этомъ, «сувѣрныя гrimасы». Переходя къ болѣе современнымъ средствамъ, мы находимъ у ботаниковъ (Августиновичъ, Таракковъ, Аиненковъ, Гаринцкій, Чоловскій и др.) перечень травъ, которыми простолюдины лѣчать змѣиные укусы. Въ Полтавской губ., въ такихъ случаяхъ, обкладываютъ припухшее място свѣже-истолченной *Кульбабой* (*Leontodon Taraxacum L.*) съ обильною примѣсью кислаго молока. Кладутъ также на рану свѣжую крашиву съ солью. Въ Витебской губ. употребляютъ наружно корень растенія *Scrophularia nodosa L.* и пить отваръ этого корня. Въ Воронежской г., расгравивъ рану, кладутъ на нее *Чертоурызъ* (*Scabiosa succisa L.*), о которомъ легенда гласить, что чортъ перегрызъ у него главный корень, а Богъ отростилъ нѣсколько малыхъ корешковъ. *Чертоурызъ* употребляется отъ укушенія бѣшеной собаки и змѣи поселенами Московской и Тульской губерній. Въ Пермской — трава *волосникъ* способна, по мнѣнию простолоди новъ, вытягивать изъ тѣла человѣка волосъ, змѣиное жало и швейную иглу; где вошла эта немощь, тамъ привязываютъ свѣжеистолченный корень *волосника*. Еще кладутъ, при укушеніи змѣи, измятую или распаренную траву *змѣиный скусъ* (*Veronica latifolia L.*). И другіе виды вероники, подъ названіями *змѣесца* и *змѣиной травы*, употребляются для лѣченія укусовъ змѣи. Немудрено, что вероника въ Воронежской губ. послужила сюжетомъ легенды, о которой упоминалось раньше. Во Владимірской губ., при ужаленіи змѣй, прикладываютъ изжеванный корень *любистка* и *ужачки* (*Iris pseudacorus L.*). Въ Сибири хорошоимъ заживляющимъ змѣиные укусы средствомъ считается *узловникъ* (*Scorzonera humilis L.*). Въ Могилевской губ. лѣчатся наружно сокомъ свѣжей змѣевицы (*Ptarmica vulgaris DC.*) и принимаютъ внутрь этотъ сокъ. Медуница во многихъ мѣстностяхъ Россіи — народное средство отъ змѣиныхъ укусовъ. Въ Малороссіи же въ такихъ случаяхъ прикладываютъ тертый свѣжій корень конскаго щавела (*Rumex crispus L.*). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на рану накладываютъ ветошку, густо намазанную со-

комъ изъ трубы, дѣлая перевязку выше и ниже раны. Баронъ Будбергъ по этому поводу вспоминаетъ наблюденіе Кюлье, что змѣи не переносятъ табачнаго дыма и иногда отъ него гибнутъ. Въ Алтайскомъ краѣ въ ходу такія средства отъ укусенія змѣй: перевязка выше раны, высасываніе изъ нея яда, прижиганіе трутомъ, растревливаніе мочею, солью и кислотами. А то ужаленный членъ быстро погружаютъ въ воду или стараются убить змѣю и мажутъ ея кровью рану. Если ядъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе, дѣлаютъ своеобразныя пришарки: вырѣзываютъ изъ живого животнаго (овцы, козла, телёнка) сердце, измельчаютъ его въ конусообразные кусочки и прикладываютъ ихъ къ ранкѣ; кладутъ на нее также внутренности свѣже-убитаго животнаго или тёплое мясо козла. И въ г. Ейскѣ высасываютъ кровь изъ мѣста укуса, а во избѣженіе зараженія, полощутъ ротъ уксусомъ и растворомъ нашатыря. Иногда прижигаютъ рану толстою иглою, накаленною на восковой свѣчѣ, причемъ царапываютъ молитвы, а затѣмъ большое място смазываютъ гарью изъ чубука. Еще употребляютъ такое кровопусканіе: кладутъ на опухоль металлическій листъ съ отверстиемъ; надъ послѣднимъ держать кошку за хвостъ такъ, чтобы она когтями царапала рану. Когда изъ нея покажется кровь, кошку выпускаютъ. Въ Лубенскомъ у., где водится только гадюка (*Vipera berus*), укусы ея считаются излѣчимыми, для чего царапываютъ и прикладываютъ кислое молоко. Выводятъ здѣсь гадюкъ чародѣйскимъ способомъ: прибиваютъ одну изъ нихъ и посыпаютъ ее «прискомъ» (горячими углеми), въ увѣренности, что гадюки разбѣгутся. Курѣйный пріемъ описываетъ баронъ Икскуль (Орлов. губ.): дѣвушка-крестьянка была ужалена въ ногу, которая распухла до бедра; тогда знахарь посовѣтовалъ прикладывать лягушекъ животомъ къ ранѣ. Первая изъ нихъ была беззокойца и скоро перестала двигаться; ее бросили и тѣмъ же порядкомъ прикладывали другихъ. 10 окотѣли, 11-я осталась спокойной, и ею окончилось лѣченіе. Дѣвушка на 4-й день поправилась. Подобный способъ народнаго лѣченія примѣняется и въ Польшѣ; былъ случай, что къ укушенной змѣей дѣвочкѣ, которая имѣла судороги и лихорадила, позвали знахаря. Онъ заговорилъ рану и прикладывалъ къ ней живыхъ лягушекъ, намоченныхъ въ кисломъ молокѣ. Лягушки, будто бы, надувались и лопались. Было приложено съ полдюжины лягушекъ, и они лопались. Опухоль уменьшилась, и дѣвочка поправилась. Д-ръ Генрихи отмѣчаетъ, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи народъ, при укусахъ черной и пестрой змѣи, прикладываетъ кожу змѣи, комки свѣжеразорваннаго голубя или мозгъ его. Иногда на рану кладутъ часть змѣи, если ее удастся убить послѣ укуса, свѣжее мясо голубя, тѣмной кошки, разрѣзанныхъ лягушекъ и т. п. Представляя себѣ, что змѣи оставляетъ въ тѣлѣ кусочекъ «жала», крестьяне надѣются тѣшлю кожею и свѣжимъ мясомъ извлечь это «жало». Въ Финляндіи тоже въ ходу этотъ способъ лѣченія, очень давниго происхожденія. По сообщенію Плиния, древніе персы прикладывали, при укусахъ змѣи, разорванныхъ пополамъ мышей.

Остается изложить зъченіе заговорами, заклинаніями, молитвами и другими способами, основанными на вѣрѣ въ целебную силу слова. Такое врачеваніе змѣиныхъ укусовъ довольно употребительно. Сближая понятія о дѣйствіи яда змѣи и бѣшеной собаки, знахари лѣчатъ одинаково въ томъ и въ другомъ случаѣ, примѣня один и тѣ же заговоры у людей и у домашнихъ животныхъ. Изредка встрѣчаются заговоры «отъ змія, къ женѣ летающаго» и «отъ змія, летающаго въ домъ». Читаются заклинанія, при укусахъ змѣй, сами по себѣ или въ соединеніи съ механическими и другими пріемами. Огромное большинство относящихся сюда заговоровъ содержать въ себѣ обращеніе къ царицѣ или царю змѣй (иногда къ самой змѣѣ), съ просьбою или приказаниемъ унять своихъ слугъ, подъ угрозою призвать, для нихъ укрошения, арх. Михаила, Богородицу и другихъ святыхъ, которые покараютъ гадовъ огнемъ, громомъ, молніей... Я упоминалъ, что народъ вѣритъ въ существованіе царицы съ золотою короною. Обращаясь къ этой царицѣ, перечисляютъ подчиненныхъ ей змѣй. Въ заговорахъ ихъ глава носить разныя названія: то ее зовутъ женскими именами — «царице, Олено, Ганна, Настасья, Марья», то именуютъ ее «Лягой, Лягушей», «царицей Совицей», «змѣей шкурной Осахой-Солохой». Иногда упоминаются 3 царицы — «Куфія, Невія, Палія», или такія названія, какъ «царь-Ханъ и царица-Ханыця», «царь Кудыка» или «Мудыка», «змія шкурупея», «Пелагея, усім зміям мати». При чтеніи и шептаніи заговоровъ употребляются слѣдующіе пріемы: 1) надавливаютъ укушенное място пальцемъ, кускомъ желѣза или монетой; 2) обмываютъ опухоль пепочатой, наговоренной водой и даютъ ее пить укушенному; 3) дуютъ, сплюютъ и читаютъ трижды заговоръ; 4) прикладываютъ къ заговариваемой ранѣ кислое молоко и непечатую воду; 5) бросаютъ въ чашку съ водою хлѣбныя зерна и кусочки хлѣба, послѣ чего воду даютъ пить больному; 6) обводятъ вокругъ раны 3 раза косточкой и т. п. Такіе пріемы имѣютъ цѣлью, какъ мнѣ кажется, повліять на мысль и чувства укушенного, привлечь его вниманіе и усилить силу слова, которое, несомнѣнно, оказываетъ большое воздействиe на простого, вѣрующаго человѣка. Иногда предполагаютъ заговорамъ или заключаютъ ихъ молитвами: «Отче нашъ!» «Богородице, Дѣво!» «Господь помощь!» вспоминаютъ «цара Давида и всю кротость его». Часто упоминается «жало» и высказывается пожеланіе удаленія его. Въ Курской губ. укушенному змѣей человѣку или животному даютъ пить воду, заговоренную такъ: «на морѣ-океанѣ, на быстрой Болиѣ, тамъ есть гиѣздечко, въ томъ гиѣздечкѣ — царица-веретеница, Елена-гаденица. Скотина по полю ходить; скотина не знаетъ, скотина наступить, скотина умреть, тебѣ грѣхъ будетъ, приходи помощь давать: изъ черной шерсти зубъ вынимать, если не придешь, то заклану тебя на 7 лѣтъ». Я не буду приводить тексты заговоровъ отъ укуса змѣи: они встрѣчаются въ разныхъ этнографическихъ сборникахъ, и существуютъ цѣлые собрания заговоровъ (Ефименка, Майкова и др.). Прекрасная

коллекція интересующихъ нась заговоровъ имѣется въ обстоятельномъ труде А. В. Ветухова¹⁾. Чтобы дать некоторое представление объ ихъ содержаніи и характерѣ, приведу лишь иѣсколько примѣровъ. Въ «заговорѣ отъ гадюки» моего Сборника-Лѣчебника говорится; «приди час йты (на) вас... вийматъ жело, желище съ семидесяти жилъ съ бѣлой кости, съ червоной крови, съ такой-то шерсти й волоса. Тут тебѣ не свербѣть и не болѣть и не ятритъся». Свящ. Курдановскій описываетъ захарекую медицину, при укушеніи гадюкой человѣка, рогатаго скота и овны, такъ: захарь крестится три раза, ощущиваетъ пальцами опухоль, поворачивается лицомъ къ востоку, снова крестится; затѣмъ, произнесши трижды: «поможи, Боже!» шепчетъ; «зачинать свѣтъ Божій од царя Давида, од матери-жены-Соломони, въ нашей бурой корови вийшло триста жаль и жало... на Осіятельскій горѣ стоять дубъ, підъ тимъ дубомъ липовий кущъ, підъ кущемъ змія шкарупія... змійськимъ гласомъ змій на судъ збірала»... Конца не удалось услышать, такъ какъ захарь замѣтилъ: «не годиться далі попові знати». Въ «Книшкѣ отглазорной» Зайцева (1857 г.), представляющей памятникъ брянской письменности, читаемъ: заговоръ зміи: «сонце, небо, земля, ключъ, запри змію къ сырой земли»; одглазоръ од гадавини: «на мори изъ кипи на вострови Буани стаить часть ракитавай кустъ, въ томъ кусту лижитъ змей шкурапей. О, змей шкурапей, собери (bis) своихъ всехъ змей змевичавъ межныхъ и подрубежныхъ, колодныхъ, падкаладныхъ, махавыхъ и лисавыхъ, змію шкурапею, змію шириярю, литучихъ и палзучихъ... а пи сабирешъ ты вѣхъ змей... то пойду я къ Михайли и къ Гавриилу, напушу грозава грому, грознаю тучу, громомъ пабью, моланьей сажгу...» Въ Могилевской губ. заговариваются: «гадя (3 раза), уними свой яде, а не ушиши свойго яду, — буду гадю заклинать яснымъ сощемъ, дробнымицъ звѣздами и всѣмъ міромъ православнымъ, Михаиломъ Архистратигомъ, чуднымъ теремою и вечернею зарею». Въ Каневскомъ у., «як укусе гадина», — шепчутъ: «Отче нашъ», «Богородице Діво», «Св. великомучениче Пантілімоне-сціялителю, стань мени у допомозі од гадюки измовити. У полі золота груша, на золотій груші — золоте гніздечко, въ золотімъ гніздечку — гадюка-шевелоха, царица. Прошу тебе, гадюко-шевелохо царице, изберіг увесь гадъ и спитай, котра упустила своему нарожденному... рабу божому яд — и не приими йї у ладъ. Зуб до дому, хвала до Богу. Аминь. Иху, иху, иху!» Старинные великорусские заговоры содержать упоминаніе «море-окіана», «острова-Буяна», «камень-Алатыря». Больѣ поздніе — превратились въ молитвы, съ перечисленіемъ святыхъ и даже подвижниковъ. Образцомъ таковыхъ можетъ служить слѣдующій заговоръ отъ укушенія гада: «молитвъ ради Пречистыя Твоєя Матери, благодатный свѣтъ міръ, отстуши отъ меня,

1) Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія. Варшава. 1907. В. I—II, 429—442.

нечестивый, змѣя злая, подколодная, гадина лютая, съѣдающая людей и скотъ. Яко комары отъ облаковъ растекаются, такъ и ты, опухоль злая, разойдись... Всѣ святые и всѣ монастырскіе братія, пиоки, отшельники постники, сухоядцы... станьте мнѣ въ помощь...» Слѣдуетъ замѣтить, что, по изслѣдованіямъ Мансикки¹⁾, сюжетъ заговоровъ и вѣнчанія ихъ форма образовалась подъ вліяніемъ богатой апокрифической литературы — наслѣдія Византіи. Ближайшими источниками заговоровъ были требники и сборники разныхъ лѣчебныхъ молитвъ, распространителями которыхъ были монахи и низшее духовенство. Мансикка полагаетъ, что заговоры нельзя считать продуктомъ народнаго творчества.

III.

Представление народа о природѣ и дѣйствіи змѣинаго яда. Роль змѣи въ народныхъ взглядахъ на происхожденіе болѣзней. Змѣя и ея части въ качествѣ народно-врачебныхъ средствъ.

Заговоры отъ укушенія змѣи и другія данныя изъ области народной медицины показываютъ, что въ сельскомъ населеніи господствуютъ двѣ ложныя точки зрѣнія относительно свойствъ змѣинаго яда: 1) онъ — частица застрявшаго въ тѣлѣ «жала», которымъ, будто бы, змѣи, наподобіе пчелы, «жалятъ»; 2) дѣйствіе яда змѣи и бѣшеной собаки — одинаково. По мнѣнію поселенціи Литинскаго у., наприм., отъ того и другого яда у человѣка происходитъ своего рода бѣшенство — «сказ», которое захарями лѣчится одинаково. Правда, въ заговорахъ, кроме «жала-жалища», упоминаются и другія названія змѣинаго яда: *удодерево, лютая ярысть, гадысть, лихость, злая жидала*, а иногда онъ называется собственнымъ наименованіемъ. Въ некоторыхъ заговорахъ говорится, что змѣя кусаетъ «зубами», поэтому заклинаютъ «царицу Лягу» «собрать и спинять» свои «зуби, губи и уста», «вытянуть зуби сіри і біли, смущести и полосости». Говоря о зубахъ, народъ, въ своихъ наблюденіяхъ надъ укусами змѣи, подходитъ ближе къ истинѣ, а лѣченіе человѣка и животныхъ тѣми же средствами — результатъ правильнаго взгляда на ядъ змѣи, который одинаково дѣйствуетъ на организмъ человѣка и животныхъ. Далѣе, заговоры свидѣтельствуютъ о правильномъ представлении крестьянъ относительно того обстоятельства, что отъ змѣиныхъ укусовъ происходитъ не только местное воспаленіе съ опуханіемъ сосѣднихъ частей, но и получается быстрое пораженіе ядомъ всего тѣла. Въ малорусскомъ «шептаніи», безъ упоминанія «жала», зубовъ или яда, говорится:

1) Mansikka. Ueber russ. Zauberformeln. Helsingf. 1909 г. (по реферату «Этнограф. Обозрѣнія» за 1909 г. № 1, стр. 77—79).

«Лізла рохля травою,
Та залізла в волосся,
А з волосся в шкуру,
А з шкури в мясо,
А з мяса в кров,
А з крови въ кість»,

«А з кости в отробу,
А з отроби в лехки,
А з лехких въ серце.
Вылізь, рохле, зъ волосся,
.
Вылізь, рохле, з серца».

Въ другомъ заговорѣ просятъ «царицу-змію» — «сплинить зубы «од звірногого лиця, од білої кости, од червоной крови». Тѣмъ-же путемъ, какимъ вошель ядъ, заклинаютъ его уйти изъ тѣла: «Ганно, Ганнусько, ти вкусилась, в ногу впухлась; іди до серца, а з серца — в кишкы; зъ кишок — в кровь, з крови — в кість, з кости — у шкуру, з шкури вон вийди».

Кетати упомянемъ, что обѣ отравленіи змѣинымъ ядомъ у западно-европейскихъ и славянскихъ народностей существуетъ цѣлый цикль пѣсень. Въ малорусской пѣснѣ (Литинскій у.) козакъ предлагаетъ возлюбленной отравить брата; та заявляетъ, что мать не научила ее «чаровать»; тогда козакъ даетъ совѣтъ:

«Ой у лісі на ялинї,
Ой там вісить три гадиши;
На гадишу сонце пече,
А з гадиши ропа тече».

«Підстав, дівча, коновочку
Під гадючу головочку,
Як приїде брат з дороги,
То ты чари приготовиши . . .!»

Дѣвушка дала брату «цѣго пива», и онъ погибъ. Въ этой пѣснѣ вѣрою отмѣчено, что ядъ змѣи находится въ ея головѣ. Убѣдившись въ ядовитости змѣй, народъ подмѣтилъ, что ужи не ядовиты и безвредны. Съ другой стороны, онъ вѣритъ, что жабы могутъ оказывать ядовитое дѣйствіе на человѣка. Въ украинскихъ пѣсняхъ вдова отравляетъ любовника жабами. Въ Лубенскомъ у. распространено мнѣніе, что ядовитая моча жабы вызываетъ образованіе бородавокъ и рака у человѣка; ядъ жабъ особенно опасенъ, если его принять внутрь. И нѣмецкій народъ думаетъ, что жабы ядовиты, особенно осенью. Дѣйствительно, желѣзы, расположенные на спинѣ и на конечностяхъ жабы (*Rana bubo*), при раздраженіи выдѣляютъ млечовидный сокъ, содержащий ядовитый метилъ-карбиль-аминъ¹⁾. Такимъ образомъ, поэтическій вымыселъ Шекспира въ «Макбетѣ» о «мрачномъ дарѣ», который вѣдьмы приносятъ духамъ: «жабу, 30 дней проспавшую, острый ядъ въ себя всосавшую . . .» — находитъ известное подтвержденіе. Переходя къ роли змѣи въ народныхъ взглядахъ на происхожденіе болѣзней, упомянемъ, что названія некоторыхъ болѣзней производятся народомъ отъ змѣи. Въ Пермской губ. называютъ присуханіе между пальцами руки

1) Dr M. Höfler. Volksmedizin und Aberglaube in Oberbayern. München. 1893 г.

«змъсцомъ», а чесотку — «змъсцией»; въ Томской губ. нарывы въ родѣ чирьевъ зовутъ «змъсикомъ» и лѣчать ихъ, въ связи съ такимъ названіемъ, размоченою змѣиною кожею. Въ Вятской губ. называютъ многими именами лихорадку и, между прочимъ, «змѣй огненной». Эсты полагаютъ, что если новорожденный «играетъ языкомъ», то ребенокъ имѣть «змѣиный недостатокъ» и долженъ быть окуренъ змѣиною шкурою. Русскій народъ вѣрить, что гадюки и прочіе гады иногда заползаютъ въ желудокъ людей и, будто бы, живутъ тамъ и размножаются. Одно изъ сувѣрій ст. Слѣнцовской (Терской обл.) гласитъ: «случится тебѣ спать въ полѣ, на земль, закрывай ротъ, а то змѣя заползеть въ желудокъ, совѣтъ тамъ гнѣздо, и будетъ тебя мучить постоянно холодъ. О случаяхъ заползанія лягушекъ и змѣй внутрь человѣка и о выхожденіи ихъ оттуда встрѣчаются замѣтки въ медицинскихъ журналахъ даже еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія (*«Другъ Здравія»*, *«Medic. Zeitung Russlands»*). В. Даль говорить о поглощениіи пьявокъ и змѣй, жившихъ въ желудкѣ и изверженыхъ рвотой. Выманиваютъ ихъ наружу при помощи зеркала, поставленного противъ больного. Для вызова змѣи, въ зеркаль должны отражаться поставленныя на блюдечкѣ ягоды (клубника и вишни), а для глиста, требующаго водки (солитера?) — рюмка водки. Эсты на островѣ Эзель, въ случаѣ, когда злые люди вселяютъ въ человѣка жабъ, ящерицу и змѣй, принимаютъ растеніе *Lycopodium clavatum* (*«Hexen — или Schlangenkraut* по-нѣмецки). Растеніе ядовито и вызываетъ рвоту. Возможно допустить, что рассказы о заползаніи змѣй въ человѣка и о выхожденіи ихъ возникли изъ наблюденія надъ глистами, иногда выходящими живыми во время рвоты¹⁾. Не мѣшаетъ упомянуть, что народъ представляетъ себѣ причину нѣкоторыхъ болѣзней въ видѣ животныхъ, заставшихъ въ тѣлѣ человѣка. Эти животные — злой духъ въ ихъ образѣ. Такими животными могутъ быть всякия пресмыкающіяся, а чаще всего — червякъ (*Wurm*). Малороссы, считая матеріальной причиной многихъ заболеваній червей, сблизили ихъ съ миѳическими змѣями, а потомъ съ чертями. Въ заговорахъ шугаютъ червей, какъ и змѣй, молией, солнцемъ, сожжениемъ. Еще важнѣе *врачебная роль змѣи и ея отдельныхъ частей*. Въ *«Номоканонъ сирѣчъ законоправильникъ»*, изданномъ Захаріей Конышевскимъ въ 1664 г., сообщается, что укралиския знахарки прикладываютъ

1) Проф. Бехтеревъ къ психическимъ разстройствамъ, развивающимся на истерической почвѣ, при которыхъ больными высказывается бредъ, будто въ нихъ вселился злой духъ, относить «одержимость гадами». Этотъ своеобразный видъ одержимости основанъ на вѣрѣ народа въ возможность заползанія черезъ ротъ змѣй, лягушекъ и прочихъ гадовъ. Въ наблюдавшихся Бехтеревымъ случаяхъ бредъ отличался стереотипностью: у всѣхъ больныхъ змѣя заползала во время сна черезъ открытый ротъ. Одинъ крестьянинъ не только чувствовалъ въ себѣ змѣю, но даже слышалъ ея шипѣніе. Иногда бредъ сводится къ тому, что внутри поселяются лягушки, жабы. Причина такого бреда лежитъ въ ненормальныхъ ощущеніяхъ въ желудкѣ и подложечной области, къ чему присоединяются соответствующія галлюцинаціи. (*«Обозр. Психіатрії»*, 1900 г., № 5, стр. 330—332).

змѣшую кожу къ больнымъ глазамъ и аубамъ. Подобного рода новѣрья живутъ до сихъ поръ у народа. О нихъ поиздаются указанія въ лѣчебникахъ. Въ сборнике XVII в., подъ названіемъ «домашняю обихода», «отъ зубной болѣзни» сказано: змію живую добыть, вынуть изъ нея желчь... а буде змія живая безъ желчи съ того мѣста сползла, тою желчью мазать и въ той часъ черви пропадутъ». Въ лѣчебнике Тамбовской Архивной Комиссіи 1696 г., сохранившемся съ XVII ст. въ семье Вышеславцевыхъ, говорится: «коли въ человѣкѣ железо стрѣльное, въгъ приложитъ кожа зміинна — выйдетъ прочь железо». Особенно часто народъ лѣчитъ змѣй и ея шкурой перемежающуюся лихорадку. Калмыки, напр., при этой болѣзни, перекусываютъ пополамъ живую змѣю и часть ея на 3 пальца отъ хвоста проглатываютъ. Киргизы отъ той же болѣзни, поймавъ змѣю, перегрызаютъ ее пополамъ, а части бросаютъ въ разныя стороны. Въ пріаргунскомъ краѣ отъ лихорадки привѣщиваютъ больнымъ, какъ симпатическое средство, зашитую въ ладонку голову змѣи (*Caput colubris berus*). Во многихъ мѣстностяхъ Россіи распространена вѣра въ цѣлебную силу сбрасываемой змѣей шкуры, которая называется «змѣинымъ выпадкомъ» или «линовищемъ». Я видѣлъ амулеты съ «линовищемъ» въ астраханскомъ краѣ. Носило ихъ простонародье отъ «лихоманки». Проф. Сумцовъ слышалъ, что въ Харьковѣ лучшимъ средствомъ отъ лихорадки считается подкуриваніе больного «линовищемъ». Мѣстами подкуриваются засушенной змѣей¹⁾. Малороссы настолько вѣрятъ въ силу змѣиной головки, что иногда держать въ домѣ раковинку, положенную на нес, какъ предметъ, приносящий здоровье. И на Кавказѣ, при лихорадкѣ, посать на шею найденную змѣиную шкурку. Въ Лубенскомъ у. лѣчатся отъ этой болѣзни чешуей отъ змѣи. Изъ другихъ болѣзней, при которыхъ народомъ употребляется змѣя, упомянемъ слѣдующія: въ Томской губ. бородавки мажутъ змѣиною кровью; въ Грузіи жиръ, добываемый изъ живыхъ змѣй — наружное средство отъ ревматическихъ болей; въ г. Ейскѣ подвѣшиваютъ ужей безъ желтизны у хвоста на солнцѣ и растопившейся жиръ даютъ пить отъ запоя²⁾. Народъ глубоко вѣритъ въ цѣлебную силу змія и обращается къ нему въ иѣкоторыхъ заговорахъ «отъ крови». Напр.: «на сиёму морі лютій змій реве. Чого ти, лютій змій, ревеш? — Бо нема чимъ дітей годувати.—Йди, лютій змій, у двіръ (и. р.), візьми отъ раба Божого... люту кровъ».

И приведенныхъ фактовъ изъ области народной медицины достаточно для того, чтобы судить, какъ велика у нашего народа вѣра въ цѣлебную силу змѣи и ея отдельныхъ частей. Вѣра эта даетъ себя знать еще сильнѣе въ сказкахъ великорос-

1) Въ Радомысльскомъ у., по сообщенію Ю. Ф. Меленевскаго, при лихорадкѣ подкуриваются сброшеной при линяліи кожей ужа.

2) О томъ, какъ разнообразны и причудливы народно-врачебные средства отъ пьянства, см. мою статью: «Алкоголизмъ и его лѣченіе у русскаго народа». («Труды общ. кіевск.-врачай» за 1903—1904 г. Т. VII. В. I, 122—145).

совъ, чеховъ, болгаръ и сербовъ. Она встречается и у народовъ Западной Европы. Примѣная съ врачебною цѣлью змѣю, приписывая ей многія сверхъестественные свойства, русскій народъ лишь остается вѣренъ преданіемъ прошлаго. Мы говорили раньше, что еще у Плінія многократно упоминаются цѣлебныя, почти чудотворныя качества змѣи и ея отдельныхъ частей. Классическія представлениа о врачующей змѣѣ, какъ эмблемѣ Эскулапа, оказали, быть можетъ, влияніе на народныя повѣрья о змѣѣ. Повѣрья эти лишь усилились новыми чертами, подробностями и национальными особенностями, по складывались они, по всей вѣроятности, при посредствѣ лѣчебниковъ и травниковъ, въ которыхъ приводятся змѣиные головки, змѣиная шкура и змѣиные травы. Бремъ (V, 219) полагаетъ, что большиѣ безвредные ужи (*Elaphis flavesrens*), посвященные Асклепію, занесены римлянами въ Западную Европу и поселились вблизи купаленъ Эмса и Шлангенбада. Если римляне занесли въ среднюю Европу ужей, то еще скорѣе они могли распространить здесь легендарныя сказанія о цѣлебной силѣ змѣй, которая проникла въ эпическую поэзію, лѣчебники и повѣрья.

Въ заключеніе настоящаго очерка, позволительно сдѣлать такие выводы:

1) Змѣя своими особенностями сильно привлекаетъ къ себѣ народный умъ. Зоологическія и біологическія представлениа народа о змѣѣ скучны, ошибочны и оригинальны. За то змѣя является предметомъ многочисленныхъ суевѣрій, легендъ, сказаний, въ которыхъ обрисовывается работа народной мысли, даютъ себя знать широкіе, фантастические образы, замѣчаются преданія старины и заимствованія изъ античной литературы.

2) Отношеніе народа къ змѣѣ двояко. Съ одной стороны ея очень боятся: въ нее вселяется нечистый, она — начало всякаго зла; съ другой стороны — змѣя приписывается роль цѣлительная, сохраняющая здоровье, и замѣчается известный кульпъ змѣи, которая, по народнымъ повѣрьямъ, приносить счастье, богатство, всеядѣніе. Такимъ образомъ, змѣя представляется народу своеобразнымъ зломъ, иногда переходящимъ въ добро, и въ этомъ отношеніи существуетъ аналогія съ двойственную ролю змѣи въ античныхъ миѳахъ.

3) Отъ змѣиныхъ укусовъ существуетъ множество народно-врачебныхъ средствъ, большинство которыхъ — растительного происхожденія. Насколько средства эти полезны — сказать нельзя, такъ какъ они нуждаются въ научномъ клиническомъ обслѣдованіи.

4) Представлениа народа о природѣ и дѣйствіи змѣинаго яда ошибочны и своеобразны. Сюда относятся повѣрья о «жадѣ» и отожествленіе яда змѣи и собачьаго бѣшенства. Наряду съ этимъ достойны упоминанія правильные взгляды народа на то, что змѣиный ядъ дѣйствуетъ на весь организмъ, что ужи не ядовиты и что ядъ гадюки заключается въ ея головѣ.

5) Легенды и повѣрья о цѣлебныхъ качествахъ змѣи часто напоминаютъ со-
бою сказанія о змѣѣ у грековъ и римлянъ. Правда, въ русскихъ повѣрьяхъ сказываются
извѣстныя дополненія и національныя видоизмѣненія, но, въ общемъ, повѣрья эти,
несомнѣнно — древняго происхожденія. А сказаше объ ясенѣ, прогоняющемъ змѣй,
живеть у народа въ такой же формѣ, какъ о томъ писалъ Плиній.

6) Народныя повѣрья о цѣлебномъ значеніи змѣи и ея частей складывались и
поддерживались рукописными лѣчебниками, травниками, загадниками, бестіаріями,
въ которыхъ часто упоминаются Авиценна Мудрецъ, Галенъ и другіе писатели
древняго міра.

В. О. Демичъ.